

Расширение инструментария изучения бедности: аналитический обзор исследовательских практик

**Татьяна Сергеевна
КОЗИЦИНА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-0504-2643; ResearcherID: J-6732-2015

**Алексей Константинович
КЛЮЕВ**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.k.klyuev@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-8042-0619; ResearcherID: R-1101-2018

Аннотация. Цель статьи — систематизировать основные направления расширения инструментария изучения бедности и определить, каким образом новые источники данных дополняют традиционные методы, повышая возможности измерения, объяснения и оперативного мониторинга различных проявлений бедности. Обзор опирается на многоэтапный отбор российских и зарубежных публикаций по проблеме бедности и сравнительный анализ этих исследований в части используемого инструментария. В центре внимания находятся как классические количественные и качественные инструменты: обследования домохозяйств, статистика, полевые исследования и т. д., так и подходы, использующие цифровые следы: данные мобильной связи, спутниковые снимки, транзакционные и e-commerce-данные, данные онлайн-платформ. Для

Для цитирования: Козицина Т.С., Ключев А.К. (2026). Расширение инструментария изучения бедности: аналитический обзор исследовательских практик // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 213–225. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.12

For citation: Kozitsina T.S., Klyuev A.K. (2026). Expanding the toolkit for poverty research: An analytical review of research practices. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 213–225. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.12

анализа классического инструментария приоритет отдавался наиболее авторитетным и цитируемым международным и российским публикациям, позволяющим реконструировать устойчивое методологическое и инструментальное ядро исследований бедности. Для обсуждения новых подходов в обзор включались релевантные работы последних лет, посвященные big data, спутниковым снимкам, цифровым следам и иным источникам данных, при условии достаточной методической детализации. Научная новизна работы состоит во вкладе в развёртывающуюся дискуссию об использовании новых инструментов исследования бедности и обосновании гибридных подходов в использовании методов как одной из наиболее перспективных стратегий изучения бедности в условиях цифровой трансформации и усложнения социальных неравенств. Расширение инструментария может способствовать повышению пространственной и временной детализации измерения бедности, лучшей операционализации её многомерных аспектов и уточнению границ уязвимых групп. Ограничения работы связаны с различием процедур отбора двух частей корпуса, что позволяет сопоставлять конфигурации практик, но не даёт оснований для общих суждений о теоретической проработанности цифровой литературы. Перспективы дальнейших исследований связаны с применением предложенной рамки к более широкому корпусу публикаций и с эмпирической проверкой гибридных дизайнов.

Ключевые слова: бедность, концепции бедности, измерение бедности, цифровые методы исследования бедности, гибридные методы исследования бедности, социальная политика.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01542, <https://rscf.ru/project/25-28-01542/>.

Авторы выражают благодарность рецензентам за экспертное мнение и конструктивный подход.

Введение

Бедность относится к числу наиболее устойчивых и социально значимых проблем современного общества, затрагивающих не только распределение доходов, но и доступ к базовым общественным благам, качеству человеческого капитала, возможности социальной мобильности и степени включенности индивидов и домохозяйств в экономическую и общественную жизнь. Для России, даже в условиях сокращения абсолютной бедности, не снижается актуальность ее изучения в силу масштаба социально-экономического пространства, региональной дифференциации бедности, сложной структуры уязвимости населения и обусловленной этим потенциальной зависимостью результативности социальной политики от точности диагностики нуждаемости (Овчарова, 2012; Kartseva, 2020; Суринов, Луппов, 2022).

Традиционный инструментарий, основанный на официальной статистике и репрезентативных обследованиях домохозяйств, сохраняет ключевое значение для получения надежных и сопоставимых оценок масштабов, глубины и социально-демографической структуры бедности (Moatsos, 2025). Вместе с тем его возмож-

ности оказываются ограниченными при решении задач оперативной и территориально дифференцированной настройки социальной политики. Периодичность обследований, недостаточный объем выборок для отдельных категорий населения и малых территорий, преимущественно поперечный характер данных и доминирование монетарного критерия затрудняют своевременное выявление изменений, анализ траекторий бедности и распознавание неоднородных форм нуждаемости (Елисеева, Раскина, 2017; Dang et al., 2019; Van der Weide et al., 2022). В этих условиях растет востребованность инструментария, способного работать с динамично обновляемой информацией, фиксировать неоднородность бедности и обеспечивать более раннее распознавание рисков ее возникновения, углубления и воспроизводства.

Новые возможности могут быть связаны с расширением информационной базы исследований и использованием цифровых данных. Так, в исследовательской практике последних лет усилился интерес к использованию спутниковых снимков, данных мобильной связи, транзакционной информации, цифровых сле-

дов, платформенных данных для оценки благосостояния, картирования бедности, выявления уязвимых групп и совершенствования механизмов социальной помощи¹ (Hall et al., 2023). Такие подходы позволяют получать регулярные пространственно детализированные оценки, а их практическая применимость показана в ряде эмпирических работ, основанных на сочетании мобильных, геопро пространственных и алгоритмических данных (Steele et al., 2017; Aiken et al., 2022).

В российских исследованиях отдельные элементы нового инструментария уже используются, однако их распространение и интеграция в сложившуюся систему изучения бедности происходят медленнее, чем в международной исследовательской практике. В отечественной литературе активнее анализируются абсолютные, относительные и многомерные подходы к измерению бедности (Тихонова, 2011; Kartseva, 2020; Slobodenyuk, Mareeva, 2020; Nazarbaeva et al., 2022), тогда как цифровые и гибридные методы представлены в основном общенаучными обзорами (Маркеева, Гавриленко, 2021; Константиновский и др., 2025). Несмотря на увеличение числа работ, посвященных отдельным цифровым источникам и аналитическим методам, сохраняется потребность в анализе исследовательских практик, понимании того, как они используют новые возможности изучения бедности и развивают традиционные исследовательские подходы. Цель статьи состоит в систематизации основных направлений расширения инструментария исследования бедности и оценке возникающих аналитических возможностей и ограничений. Такой ракурс позволяет рассматривать новые методы не как замену традиционным, а как основу их дополнения и комбинирования при решении исследовательских и практических задач политики преодоления бедности. Таким образом, в нашей статье предпринимается попытка дать ответ на исследовательский вопрос: как расширяется инструментарий изучения бедности за счет развития методов и источников данных и какие дополнительные возможности это создает для измерения, объяснения и мониторинга различных проявлений бедности?

В обзоре разграничиваются теоретический, методический и информационный уровни исследования. Подходы образуют теоретическую рамку изучения бедности и определяют понимание ее содержания и значимых проявлений; методы сбора, измерения и анализа образуют исследовательский инструментарий; источники данных составляют информационную базу для его применения. Под исследовательскими практиками понимаются представленные в научной литературе логическая связь теоретических подходов, исследовательского инструментария и информационной базы, ориентированные на решение конкретных задач изучения бедности. Соответственно, расширение инструментария рассматривается как развитие методов сбора, измерения и анализа, происходящее во взаимосвязи с появлением новых источников данных и формированием способов их комбинирования.

Материалы и методы

Исследование выполнено в логике научного обзора в базах Web of Science и РИНЦ (eLibrary) с опорой на многоэтапный поиск, отбор и сравнительный анализ отечественных и зарубежных публикаций за 2000–2025 гг. Выбор периода обусловлен задачей сравнения публикаций с традиционными инструментами и современными, которые появились уже после 2000 года.

На первом этапе формировался массив публикаций по запросам, связанным с бедностью. Поиск шел по ключевому слову poverty и ключевыми теоретическими рамками исследования бедности: social space, social exclusion, capability approach, welfare regimes, institutional theory, co-production (Klyuev et al., 2025). Отбор публикаций основывался на рассмотрении рецензируемых журналов, высоком уровне цитирования и наличию теоретической рамки исследования. Далее исключались работы, не содержавшие описания и обоснования методов исследования. На этапе полнотекстового анализа в итоговый список включались публикации, непосредственно посвященные измерению бедности с явным описанием исследовательского метода и процедуры измерения. Для анализа публикаций с традиционными инструментариями приоритет отдавался наи-

¹ Stubbers M., Holvoet N. Big data for poverty measurement: insights from a scoping review. IOB Discussion Papers, 2020, No. 2020.03. Antwerpen: Universiteit Antwerpen, Institute of Development Policy (IOB).

более авторитетным и цитируемым публикациям, позволяющим реконструировать устойчивое методологическое ядро исследований бедности и сопоставить международное и российское исследовательские поля. Таким образом, был сформирован пул публикаций с традиционными инструментариями, включающий в себя 16 источников.

Для отбора публикаций, где для исследования бедности использовались цифровые инструментарии, использовалась иная стратегия отбора: в обзор включались релевантные работы последних лет, посвященные big data, спутниковым снимкам, цифровым следам и иным альтернативным источникам данных, при условии достаточной методической детализации. Использовались следующие ключевые слова: poverty prediction, poverty estimation, poverty analysis, big data, machine learning, svm, deep learning. Основная сложность в данном отборе публикаций заключалась в отсутствии явного списка исследовательских практик изучения бедности при помощи цифровых инструментов. Таким образом, на основании изучения статей были выделены основные направления, в которых основным инструментом исследования бедности являются данные, полученные не ручным способом. Для отбора статей внутри выделенных направлений решающее значение имели не столько показатели цитируемости, сколько прозрачность описания данных, логика валидации результатов и возможность оценить аналитические преимущества и ограничения метода. Такой дифференцированный подход позволил, с одной стороны, опереться на устойчивые научные подходы, а с другой — охватить формирующийся цифровой инструментарий. В итоге были отобраны 22 публикации с цифровыми инструментариями исследования бедности.

Таким образом, в соответствии с аналитической рамкой были отобраны публикации с устойчивыми исследовательскими практиками со следующими признаками:

- наличие и обоснованность теоретической рамки, методов и информационной базы работы;

- повторяемость практики в корпусе наиболее цитируемых российских и зарубежных публикаций; принадлежность работ к высокоцитируемому сегменту как показатель их науч-

ного влияния, а доля публикаций соответствующей практики — воспроизводства внутри этого сегмента.

Для дальнейшей аналитической работы в отобранных публикациях были выявлены доминирующие исследовательские практики:

- 1) традиционный инструментарий: монетарно-статистическое измерение; эконометрическое моделирование факторов и рисков; многомерное индексное измерение; институционально-сравнительный анализ; качественное изучение бедности и социальной эксклюзии; анализ общественных представлений о бедности;

- 2) цифровыми инструментарий: оценка бедности по данным мобильной связи; спутниково-геопространственное картирование бедности; использование цифровых данных о ценах и потреблении, информации социальных сетей и цифровых платформ.

Такая структура позволяет избежать избыточной детализации и вместе с тем сохранить ключевые измерения, которые задают основу для последовательного сравнения традиционных и цифровых инструментов, выявления их преимуществ и ограничений, а также определения возможностей их взаимодополнения в российском контексте.

Результаты

Кодирование публикаций по доминирующей исследовательской практике позволило классифицировать публикации с традиционными инструментариями в три группы.

1. Ядро, включающее монетарно-статистические и эконометрические практики. В корпусе наиболее цитируемых работ монетарно-статистические и эконометрические практики составляют 38%; их концентрация выше в российском подкорпусе — свыше 50% против трети в зарубежном.

2. Центр — практика многомерного индексного измерения, охватывающая 19% общего корпуса анализированных работ. Российских работ такого плана в три раза меньше, чем в зарубежном подкорпусе.

3. Периферия, в которую вошли институционально-сравнительные, качественные и дискурсивные практики, в совокупности это свыше трети публикаций. При этом каждая отдельная практика представлена одинаковым количеством работ.

Результаты проведенного анализа традиционных исследовательских практик изучения бедности представлены в *таблице 1*.

Таким образом, традиционные инструментарию оценки бедности сыграли в развитии ее исследований ключевую роль. Именно они обеспечили сопоставимость измерений, воспроизводимость результатов и связь анализа бедности с практикой поддержки бедных. Развитие инструментарию было вызвано расширением теоретического понимания бедности: от дефицита доходов к многомерным лишениям, социальным рискам, институциональным меха-

низмам и социальной эксклюзии (D'Attoma, Matteucci, 2024). В отобранных работах эти подходы реализуются посредством статистических, эконометрических, индексных, сравнительных и качественных методов, применяемых к официальной статистике, обследованиям домохозяйств, массовым опросам, документам и полевым материалам.

Как уже отмечалось, корпус исследований бедности, основанный на цифровых данных, формировался по иному принципу: в него включались все выявленные релевантные публикации, в которых описывалось фактическое

Таблица 1. Устойчивые исследовательские практики изучения бедности в корпусе наиболее цитируемых публикаций с традиционными инструментарию

Исследовательская практика	Теоретическая рамка	Основные методы	Данные	Публикации из обзора
Монетарно-статистическое измерение (1)	Монетарный подход; абсолютная и относительная бедность; welfare-подход	Определение черты бедности; расчет уровня, глубины и динамики; статистические сопоставления	Официальная статистика; обследования доходов, расходов и бюджетов домохозяйств	Овчарова, Попова, 2013; Шайдуллина, Степанова, 2020; Ерохина, Джергения, 2020
Эконометрическое моделирование факторов и рисков (1)	Стратификационный подход; теория социальных рисков; welfare regimes	Регрессионный анализ; моделирование факторов риска; межгрупповые и территориальные сопоставления	Микроданные обследований; панельные данные; массовые опросы	Лежнина, 2010; Van Oorschot, 2006; Larsen, 2008
Многомерное индексное измерение (2)	Подход возможностей; депривационный и ресурсный подходы	Конструирование композитных индексов; пороговая идентификация; агрегирование; типологизация	Обследования домохозяйств и специализированные опросы; показатели здоровья, образования, занятости и условий жизни	Alkire, Foster, 2011; Alkire, Santos, 2014; Римашевская и др., 2013
Институционально-сравнительный анализ (3)	Институциональная теория; теория прекаризации; подход социальных режимов	Анализ институтов, законодательства и документов; сравнительный и исторический анализ; case studies	Нормативные акты; документы социальной политики; исторические материалы; данные о занятости	Бобков и др., 2011; Ferraro et al., 2015; Smith et al., 2013; Lucas, 2012
Качественное изучение бедности и социальной эксклюзии (3)	Теория социальной эксклюзии; конструктивистский подход	Глубинные интервью; наблюдение; case studies; биографический и тематический анализ	Интервью; полевые материалы; истории жизни; материалы наблюдений	Bayat, 2000; Mosse, 2010; Шеремет, 2022
Анализ общественных представлений о бедности (3)	Субъективный и конструктивистский подходы; концепция «заслуженности» помощи	Массовые опросы; шкалирование; контент- и дискурс-анализ; анализ установок	Данные опросов; тексты СМИ и социальной политики; экспертные материалы	Марева, Тихонова, 2016; Van Oorschot, 2006; Larsen, 2008
Составлено по: результаты анализа отобранного корпуса публикаций.				

использование цифровых данных для изучения бедности и достаточно подробно раскрылась методическая процедура. Поэтому в эту часть обзора ожидаемо попали публикации с разным исследовательским дизайном, включая эмпирические работы, ориентированные на апробацию источников данных, построение прогнозных моделей и пространственное картирование. Неоднородность исследовательского дизайна обусловила более сложный подход к оценке концептуальности этих практик, и нами выделены три типа концептуализации: теоретически обоснованные исследования, в которых рамка определяет выбор измерений, цифровых признаков и интерпретацию (1); исследования с фоновой теоретической рамкой, где теории бедности упоминаются без анализа их связи с инструментарием (2); инструментально ориентированные исследования, где основное вни-

мание сосредоточено на данных (3). В итоге работы, включенные в первую группу, составили 18% (4 из 22), исследования с фоновой теоретической рамкой — 32% (7 из 22), инструментально ориентированные — 59% (13 из 22) (две публикации (Geng et al., 2023; Marty, Duhaut, 2024) включены сразу в две практики). Наиболее выраженная инструментальная ориентация обнаружена в работах на основе мобильных данных. Более явная связь с концепциями многомерной и территориальной депривации представлена в спутниково-геопространственных исследованиях, а с монетарной и относительной бедностью — в работах о цифровых ценах и потреблении.

В целом анализ публикаций позволил выделить четыре исследовательские практики работы с цифровыми данными, которые представлены в *таблице 2*.

Таблица 2. Исследовательские практики изучения бедности с использованием цифровых инструментариев

Цифровая исследовательская практика	Теоретическая рамка и степень ее интеграции	Основные методы	Информационная база	Публикации из обзора
Оценка бедности по данным мобильной связи (n = 7)	1 – 0%. 2 – 28,6% (2 из 7): монетарный и ресурсный подходы, социальная уязвимость; 3 – 71,4% (5 из 7): доход, потребление, активы или статус бедности задаются как внешняя переменная	Конструирование цифровых признаков; регрессия; машинное обучение; пространственное прогнозирование	Записи мобильных соединений; мобильность и коммуникации; геоданные; обследовательские показатели доходов, потребления и активов	Soto et al., 2011; Frías-Martínez, Virseda, 2012; Pokhriyal, Jacques, 2017; Steele et al., 2017; Njuguna, McSharry, 2017; Aiken et al., 2022; Aiken et al., 2023
Спутниково-геопространственное картирование бедности (n = 8)	1 – 25,0% (2 из 8): многомерная бедность, пространственная и инфраструктурная депривация; 2 – 25,0% (2 из 8): многомерность и пространственная неоднородность задают контекст; 3 – 50,0% (4 из 8): спутниковые данные используются в прогнозных целях	Компьютерное зрение; машинное обучение; геопространственное моделирование; анализ освещенности и инфраструктуры	Дневные и ночные снимки; карты дорог, землепользования, застройки и инфраструктуры	Jean et al., 2016; Tingzon et al., 2019; Yeh et al., 2020; Smythe, Blumenstock, 2022; Hall et al., 2023; Nzelibe, 2024; Geng et al., 2023; Marty, Duhaut, 2024
Использование цифровых данных о ценах и потреблении (n = 3)	1 – 33,3% (1 из 3): относительная и монетарная бедность, локальная стоимость жизни; 2 – 33,3% (1 из 3): потребление рассматривается как проявление материального благосостояния; 3 – 33,3% (1 из 3): транзакции используются для прогнозирования	Локальные индексы цен; анализ транзакций; конструирование потребительских признаков; прогнозное моделирование	Ценовые массивы; данные розничных сетей, электронной торговли, маркетплейсов и транзакций; показатели доходов и расходов	Marchetti et al., 2024; Wijaya et al., 2022; Wijaya et al., 2024

Окончание таблицы 2

Цифровая исследовательская практика	Теоретическая рамка и степень ее интеграции	Основные методы	Информационная база	Публикации из обзора
Опора на данные социальных сетей и цифровых платформ (n = 6)	1 – 16,7% (1 из 6): социальная и цифровая включенность связаны с выбором признаков; 2 – 33,3% (2 из 6): социальная эксклюзия, цифровое неравенство и пространственная неоднородность задают контекст; 3 – 50,0% (3 из 6): платформенные характеристики выступают косвенными характеристиками	Конструирование цифровых признаков; анализ аудиторий; машинное обучение; пространственное прогнозирование; слияние данных	Данные социальных сетей, рекламных кабинетов и аудиторий; интересы и цифровое присутствие; геоинформация; внешние показатели бедности	Fatehkia et al., 2020; Fatehkia et al., 2022; Giurgola et al., 2022; Ledesma et al., 2020; Geng et al., 2023; Marty, Duhaut, 2024
Составлено по: результаты анализа отобранного корпуса публикаций.				

Таким образом, две части обзора выявляют различную организацию исследовательских практик. В высокоцитируемом корпусе традиционных исследований устойчивые практики реконструируются через повторяющиеся связи теоретической рамки, методов и информационной базы. В цифровом корпусе более чем в половине работ доминирует инструментальная постановка, а теоретическая рамка чаще выражена опосредованно — через показатель бедности, используемый для обучения или проверки модели. Полученное распределение характеризует состав отобранного массива и должно интерпретироваться с учетом различий процедур отбора двух корпусов.

Обсуждение

Результаты обзора показывают, что расширение инструментария изучения бедности происходит не как линейный, а как сложный и многоуровневый процесс:

- инструментарий расширяется быстрее на методическом и информационном уровнях, чем на теоретическом;
- происходит существенный прирост методов сбора и анализа данных, прежде всего в сфере пространственной детализации и прогнозного моделирования;
- возникают принципиально новые возможности в развитии информационной базы и данных.

При этом традиционные инструментарии сохраняют ключевую роль в определении границ и содержания бедности, обеспечении сопоставимости измерений и выявлении фак-

торов ее воспроизводства. Цифровые инструментарии дополняют их возможностями более детализированного пространственного анализа и прогнозирования, а регулярность формирования цифровых данных создает предпосылки для более оперативного наблюдения за изменениями. Поэтому основным результатом развития инструментария становится не замена одного типа данных другим, а расширение круга исследовательских задач, которые могут решаться за счет функционального сочетания теоретических подходов, методов и информационных источников. Такой вывод согласуется с исследованиями, показывающими, что монетарные показатели сохраняют базовое значение для измерения масштабов бедности, но нуждаются в дополнении многомерными характеристиками для выявления различий в составе и формах нуждаемости (Елисеева, Раскина, 2017; Kartseva, 2020). Вместе с тем результаты обзора выявили неодинаковую степень согласованности теоретического, методического и информационного уровней исследования. В корпусе наиболее цитируемых публикаций с традиционными инструментариями устойчивые практики образованы повторяющимися связями теоретической рамки, методов и информационной базы. В цифровом корпусе обнаружена иная конфигурация. Только ограниченное число публикаций демонстрирует выраженную связь теоретической рамки с выбором измерений, цифровых признаков и интерпретацией результатов. Это распределение необходимо трактовать с учетом различий формирования

двух частей обзора, однако оно показывает, что в рассмотренном корпусе инструментальное освоение новых источников данных развивается быстрее, чем формирование устойчивых связей между теоретическими рамками бедности, цифровыми признаками и интерпретацией результатов. Выявленная асимметрия позволяет сформулировать исследовательскую проблему — обеспечение теоретически точной операционализации бедности в цифровых данных. Мобильные соединения, спутниковые изображения, транзакции, цифровые цены и характеристики платформ предполагает построение логической связи между теоретическим пониманием бедности, измеряемым проявлением, цифровым признаком и итоговым показателем.

Другим важным выводом обзора является перспективность гибридных дизайнов, сочетающих традиционные и цифровые источники данных. При анализе публикаций мы выделили два взаимосвязанных измерения гибридизации. Первое характеризует конфигурацию взаимодействия данных: взаимопроверку оценок (Van der Weide et al. (2022), в которой сопоставляется карта бедности, построенная на основе обследования домохозяйств и дистанционных данных, с эталонной картой, объединявшей обследование и перепись); взаимоуглубление за счет повышения их детализации (Jean et al., 2016; Yeh et al., 2020; Chi et al., 2022); дополнение информационной базы новыми признаками (например, включение мобильных, платформенных, ценовых и транзакционных данных, фиксирующих характеристики, отсутствующие в традиционной информационной базе (Steele et al., 2017; Fatehkia et al., 2020; Marty, Duhaut, 2024)).

В тематическом отношении наиболее развито пространственное направление. Спутниковые изображения, ночная освещенность, данные о застройке, дорожной сети, землепользовании и инфраструктуре позволяют распространять обследовательские оценки на малые территории и выявлять внутритерриториальную неоднородность бедности (Jean et al., 2016; Yeh et al., 2020; Chi et al., 2022). Темпоральное направление связано с использованием регулярно формирующихся данных о ценах, транзакциях, мобильности и цифровой активности. Однако такие источники пока преимущественно при-

меняются для оценки текущего состояния, а их способность надежно отражать изменения бедности подтверждена значительно слабее (Wijaya et al., 2022; Marchetti et al., 2024; Marty, Duhaut, 2024). Поведенческое направление представлено мобильными, транзакционными и платформенными признаками, характеризующими мобильность, коммуникации, потребительскую активность и цифровую включенность населения (Pokhriyal, Jacques, 2017; Steele et al., 2017; Fatehkia et al., 2020; Aiken et al., 2022). Эти данные расширяют наблюдаемое пространство бедности, но в большинстве работ используются для прогнозирования внешнего показателя, а не для объяснения поведения и стратегий населения.

Таким образом, гибридизация развивается неравномерно: наиболее последовательно представлены взаимоуглубление и пространственная детализация; поведенческое дополнение уже сформировалось как эмпирическое направление, но остается слабо интегрированным в теорию бедности; темпоральная гибридизация пока не образует устойчивой практики изучения динамики и траекторий. Поэтому значение гибридного дизайна определяется не числом объединяемых источников, а их функциями, тематическим содержанием и связью с общей теоретической рамкой.

В целом сопоставление исследовательских практик показывает, что эволюция методов исследования бедности не сводится к последовательной смене одного доминирующего подхода другим. Напротив, наблюдается наложение исследовательских стратегий, при котором новые методы не вытесняют старые, а компенсируют их ограничения и расширяют аналитический инструментарий.

Результаты обзора позволяют улучшить понимание процесса развития исследовательских практик в оперативности выявления изменений в положении отдельных категорий населения и территорий. Запрос социальной политики на исследовательский инструментарий, способный работать с динамично обновляемой информацией, фиксировать неоднородность бедности и обеспечивать раннее распознавание рисков ее возникновения, углубления и воспроизводства, отмеченный нами выше, в целом, как показывают материалы обзора,

получает поддержку (Aiken et al., 2022; Marty, Duhaut, 2024). Вместе с тем нельзя не отметить, что новые данные не могут автоматически преобразовываться в управленческие решения и их целесообразно использовать прежде всего как инструменты мониторинга бедности: предварительной диагностики, территориального профилирования и выбора объектов углубленного исследования. Такой подход позволяет преодолеть ограниченный мониторинговый потенциал традиционных исследовательских практик, обусловленный их зависимостью от периодичности обследований, обновления статистики и доступности массивов данных. Цифровые же данные, включая мобильную связь и иные цифровые следы, предоставляют больше возможностей для мониторинга бедности, т. к. они позволяют получать оперативные и пространственно детализированные оценки.

Углубление анализа результатов обзора показывает, что развитие исследовательских практик ведет к различению измерений и мониторинга, т. к. для последнего необходимо доказать временную устойчивость признаков, учитывать изменение поведения пользователей, состава платформ, алгоритмов формирования данных и цифровой инфраструктуры. Изменение цифрового признака может отражать как трансформацию материального положения, так и изменение технологии либо практики использования сервиса. В этом контексте проведенный обзор позволяет выделить новую крупную исследовательскую проблему — использование новых данных для изучения динамики и совершенствования политики преодоления бедности.

Таким образом, обобщение полученных данных позволяет сделать вывод о целесообразности перехода от конкурирующей логики сопоставления методов к логике их функциональной взаимодополняемости. Для современных исследований бедности принципиально важным становится не поиск одного универсального инструмента, а выстраивание таких аналитических комбинаций, которые были бы одновременно чувствительны к многомерной природе бедности, объясняли механизмы ее воспроизводства, обеспечивали регулярный мониторинг и оставались институционально применимыми в практике социальной политики.

Заключение

Проведенный обзор позволил систематизировать сложившиеся и формирующиеся исследовательские практики изучения бедности и определить основные направления расширения используемого инструментария. Полученные результаты показывают, что его развитие происходит за счет расширения методов и информационной базы, усложнения исследовательских задач и постепенного формирования гибридных дизайнов.

Научная значимость работы состоит в том, что нами предложен подход к анализу исследований бедности, основанный на оценке взаимосвязанности теоретической рамки, методов и информационной базы. В отличие от систематизаций, рассматривающих эти элементы отдельно, данный подход позволяет оценить целостность исследовательского дизайна. Его применение показало, что быстрое освоение цифровых источников и методов не всегда сопровождается сопоставимым развитием их теоретического обоснования.

Обзор позволил уточнить проблемное поле современных исследований бедности и выявить недостаточно разработанные области. Первая связана с вопросом о том, как обеспечить теоретически обоснованную операционализацию бедности в цифровых данных. Вторая проблемная область связана с вопросом о том, как использовать новые данные для изучения динамики бедности и совершенствования политики ее преодоления. Регулярность формирования цифровых данных создает предпосылки для более частого наблюдения, однако сама по себе не доказывает их пригодности для мониторинга.

Статья вносит вклад в обсуждение границ доказанных возможностей цифровых инструментов для решения практических и управленческих задач. Возможности цифровых данных обеспечивать надежный оперативный мониторинг, выявлять индивидуальные траектории бедности, персонализировать социальную поддержку и повышать качество управленческих решений нуждаются в дальнейших исследованиях, включая изучение направления гибридизации методов и данных. Предложена двухмерная систематизация форм гибридизации данных в исследованиях бедности. По конфигурации взаимодействия традици-

онных и цифровых источников выделены взаимопроверка, взаимоуглубление и дополнение; по тематике добавляемой информации — пространственное, темпоральное и поведенческое направления. Предлагаемая схема не претендует на исчерпывающую классификацию, но позволяет систематизировать основные направления развития гибридных исследовательских дизайнов и определить степень их представленности в рассмотренном корпусе. Полученные выводы имеют ряд ограничений. Две части обзора формировались по различным принципам: корпус сложившихся практик включал преимущественно наиболее цитируемые публикации, тогда как цифровой корпус был ориентирован на работы, описывающие фактическое применение новых данных. Поэтому их сопоставление позволяет выявить различия в конфигурации исследовательских практик, но не дает оснований утверждать, что цифровая литература в целом теоретически слабее традиционной.

Перспективы продолжения исследования связаны прежде всего с развитием предложенной рамки анализа и ее применением к более широкому корпусу публикаций на основе единой процедуры отбора и кодирования. Это позволит точнее оценить связь между теоретическими подходами, методами и источниками данных в различных типах исследований бедности.

Второе направление предполагает разработку и проверку гибридных дизайнов. В них традиционные инструментарии должны обеспечивать определение и внешнюю валидацию бедности, цифровые данные — территориальную детализацию и дополнительные признаки, а качественные методы — содержательное объяснение механизмов и стратегий населения. Их преимущество должно подтверждаться сравнением не только прогнозной точности, но и временной устойчивости, интерпретируемости, стоимости, охвата уязвимых групп и пригодности для конкретных управленческих задач.

Литература

- Бобков В.Н., Черных Е.А., Алиев У.Т., Курильченко Е.И. (2011). Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // *Уровень жизни населения регионов России*. № 5. С. 13–26.
- Елисеева И.И., Раскина Ю.В. (2017). Измерение бедности в России: возможности и ограничения // *Вопросы статистики*. № 8. С. 70–89.
- Ерохина Е.В., Джергения Ю.Б. (2020). Угрозы реализации национальных интересов Российской Федерации в период после пандемии // *Экономическая безопасность*. Т. 3. № 3. С. 259–272. DOI: 10.18334/есsec.3.3.110681
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С., Кузнецов И.С., Кузнецов Р.С. (2025). Цифровые технологии и большие данные в социологических исследованиях: концепция, методология, возможности // *Мир России*. Т. 34. № 1. С. 144–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-144-160
- Лежнина Ю.П. (2010). Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // *Социологические исследования*. № 3. С. 36–44.
- Мареева С.В., Тихонова Н.Е. (2016). Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // *Мир России*. Т. 25. № 2. С. 37–67.
- Маркеева А.В., Гавриленко О.В. (2021). Большие данные как исследовательская технология: возможности и ограничения применения в современной управленческой практике // *Общество: социология, психология, педагогика*. № 12. С. 94–103. DOI: 10.24158/spp.2021.12.12
- Овчарова Л.Н. (2012). Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO*. № 16. С. 15–38.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2013). Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // *Мир России*. № 3. С. 3–32.
- Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.С. (2013). Человеческий потенциал российских регионов // *Народонаселение*. № 3. С. 82–141.
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2022). Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 26. № 4. С. 552–578. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578

- Тихонова Н.Е. (2011). Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. № 5. С. 24–35.
- Шайдуллина, Р. М., Степанова, Р. Р. (2020). Основные тенденции социально-экономического неравенства и уровня бедности населения на примере Республики Башкортостан // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 2. С. 92–100. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1004>
- Шеремет А.Н. (2022). Социальная эксклюзия в современном российском обществе: масштабы, разновидности, прогноз // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 3. С. 209–212. DOI: 10.24412/2686-9365-2022-3-209-212
- Aiken E., Bedoya G., Blumenstock J.E., Coville A. (2023). Program targeting with machine learning and mobile phone data: Evidence from an anti-poverty intervention in Afghanistan. *Journal of Development Economics*, 161, 103016. DOI: 10.1016/j.jdevco.2022.103016
- Aiken E., Bellue S., Karlan D., Udry C., Blumenstock J.E. (2022). Machine learning and phone data can improve targeting of humanitarian aid. *Nature*, 603(7903), 864–870. DOI: 10.1038/s41586-022-04484-9
- Alkire S., Foster J. (2011). Counting and multidimensional poverty measurement. *Journal of Public Economics*, 95, 476–487. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.11.006
- Alkire S., Santos M.E. (2014). Measuring acute poverty in the developing world: Robustness and scope of the multidimensional poverty index. *World Development*, 59, 251–274. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.01.026
- Bayat A. (2000). From “dangerous classes” to “quiet rebels”. *International Sociology*, 15(3), 533–557. DOI: 10.1177/026858000015003005
- Chi G., Fang H., Chatterjee S., Blumenstock J.E. (2022). Microestimates of wealth for all low- and middle-income countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(3), e2113658119. DOI: 10.1073/pnas.2113658119
- Dang H.-A., Jolliffe D., Carletto C. (2019). Data gaps, data incomparability, and data imputation: A review of poverty measurement methods for data-scarce environments. *Journal of Economic Surveys*, 33(3), 757–797. DOI: 10.1111/joes.12307
- D’Attoma I., Matteucci M. (2024). Multidimensional poverty: An analysis of definitions, measurement tools, applications and their evolution over time through a systematic review of the literature up to 2019. *Quality & Quantity*, 58(4), 3171–3213. DOI: 10.1007/s11135-023-01792-8
- Fatehkia M., Coles B., Ofli F., Weber I. (2020). The relative value of Facebook advertising data for poverty mapping. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 14(1), 934–938. DOI: 10.1609/icwsm.v14i1.7361
- Fatehkia M., Del Villar Z., Koebe T. et al. (2022). Using Facebook advertising data to describe the socio-economic situation of Syrian refugees in Lebanon. *Frontiers in Big Data*, 5, art. 1033530. DOI: 10.3389/fdata.2022.1033530
- Ferraro F., Etzion D., Gehman J. (2015). Tackling grand challenges pragmatically: Robust action revisited. *Organization Studies*, 36(3), 363–390. DOI: 10.1177/0170840614563742
- Frías-Martínez V., Virseda J. (2012). On the relationship between socio-economic factors and cell phone usage. In: *Proceedings of the Fifth International Conference on Information and Communication Technologies and Development (ICTD ‘12)*. DOI: 10.1145/2160673.2160684
- Geng Z., Gao Z., Tsai C., Lu J. (2023). CGPM: Poverty mapping framework based on multi-modal geographic knowledge integration and macroscopic social network mining. In: *Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases. Lecture Notes in Computer Science*, 13717. DOI: 10.1007/978-3-031-26419-1_33
- Giurgola S., Piaggese S., Karsai M. et al. (2022). Mapping urban socioeconomic inequalities in developing countries through Facebook advertising data. *Frontiers in Big Data*, 5, art. 1006352. DOI: 10.3389/fdata.2022.1006352
- Hall O., Dompae F., Wahab I., Dzanku F.M. (2023). A review of machine learning and satellite imagery for poverty prediction: Implications for development research and applications. *Journal of International Development*, 35(7), 1753–1768. DOI: 10.1002/jid.3751
- Jean N., Burke M., Xie M. et al. (2016). Combining satellite imagery and machine learning to predict poverty. *Science*, 353(6301), 790–794. DOI: 10.1126/science.aaf7894
- Kartseva M.A. (2020). Poverty in the Russian Federation: Possibilities and specifics of the use of the AROPE multi-criteria index in the poverty monitoring system of the Russian Federation. *Population and Economics*, 4(1), 1–19. DOI: 10.3897/popecon.4.e50836
- Klyuev A., Šuvaković U.V., Bagirova A., Kozitsina T. (2025). The social space of poverty as an object of sociological analysis. *Sociološki pregled*, 59(4), 1388–1425. DOI: 10.5937/socpreg59-62133

- Larsen C.A. (2008). The institutional logic of welfare attitudes: How welfare regimes influence public support. *Comparative Political Studies*, 41, 145–168. DOI: 10.1177/0010414006295234
- Ledesma C., Garonita O.L., Flores L.J., Tingzon I., Dalisay D. (2020). Interpretable poverty mapping using social media data, satellite images, and geospatial information. *Machine Learning for the Developing World (ML4D) Workshop, NeurIPS 2020*. arXiv:2011.13563.
- Lucas K. (2012). Transport and social exclusion: Where are we now? *Transport Policy*, 20, 105–113. DOI: 10.1016/j.tranpol.2012.01.013
- Marchetti S., Giusti C., Schirripa Spagnolo F., Bertarelli G., Biggeri L. (2024). The impact of local cost-of-living differences on relative poverty incidence: An application using retail scanner data and small area estimation models. *Statistical Methods & Applications*, 33(4), 1117–1143. DOI: 10.1007/s10260-023-00742-w
- Marty R., Duhaut A. (2024). Global poverty estimation using private and public sector big data sources. *Scientific Reports*, 14, 3160. DOI: 10.1038/s41598-023-49564-6
- Moatsos M. (2025). Global poverty: A review of measurement, levels, and trends in a historical perspective. *Journal of Economic Surveys*, 39(2), 706–766. DOI: 10.1111/joes.12644
- Mosse D. (2010). A relational approach to durable poverty, inequality and power. *The Journal of Development Studies*, 46(7), 1156–1178. DOI: 10.1080/00220388.2010.487095
- Nazarbaeva E.A., Pishnyak A.I., Khalina N.V. (2022). Multidimensional poverty: Methodology and calculations on Russian data. *Russian Journal of Economics*, 8(4), 352–380. DOI: 10.32609/j.ruje.8.81710
- Njuguna C., McSharry P. (2017). Constructing spatiotemporal poverty indices from big data. *Journal of Business Research*, 70, 318–327. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.08.005
- Nzelibe I.U. (2024). Satellite and artificial intelligence in mapping multidimensional poverty in Africa: A review study. *African Journal of Land Policy and Geospatial Sciences*, 7(1), 325–347. DOI: 10.22004/AG.ECON.342079
- Pokhriyal N., Jacques D.C. (2017). Combining disparate data sources for improved poverty prediction and mapping. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114(46), E9783–E9792. DOI: 10.1073/pnas.1700319114
- Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V. (2020). Relative poverty in Russia: Evidence from different thresholds. *Social Indicators Research*, 151(1), 135–153. DOI: 10.1007/s11205-020-02364-1
- Smith W.K., Gonin M., Besharov M.L. (2013). Managing social-business tensions: A review and research agenda for social enterprise. *Business Ethics Quarterly*, 23(3), 407–442. DOI: 10.5840/beq201323327
- Smythe I.S., Blumenstock J.E. (2022). Geographic microtargeting of social assistance with high-resolution poverty maps. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(32), e2120025119. DOI: 10.1073/pnas.2120025119
- Soto V., Frías-Martínez V., Virseda J., Frías-Martínez E. (2011). Prediction of socioeconomic levels using cell phone records. In: *User Modeling, Adaption and Personalization*. DOI: 10.1007/978-3-642-22362-4_35
- Steele J.E., Sundsøy P.R., Pezzulo C. et al. (2017). Mapping poverty using mobile phone and satellite data. *Journal of the Royal Society Interface*, 14(127), 20160690. DOI: 10.1098/rsif.2016.0690
- Tingzon I., Orden A., Go K.T. et al. (2019). Mapping poverty in the Philippines using machine learning, satellite imagery, and crowd-sourced geospatial information. *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, XLII-4/W19, 425–431. DOI: 10.5194/isprs-archives-XLII-4-W19-425-2019
- Van der Weide R., Blankespoor B., Elbers C., Lanjouw P. (2022). *How Accurate is a Poverty Map Based on Remote Sensing Data? An Application to Malawi. Policy Research Working Paper No. 10171*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/1813-9450-10171
- Van Oorschot W. (2006). Making the difference in social Europe: Deservingness perceptions among citizens of European welfare states. *Journal of European Social Policy*, 16(1), 23–42. DOI: 10.1177/0958928706059829
- Wijaya D.R., Ibadurrohman R.I.F., Hernawati E., Wikusna W. (2024). Poverty prediction using e-commerce dataset and filter-based feature selection approach. *Scientific Reports*, 14, 3088. DOI: 10.1038/s41598-024-52752-7
- Wijaya D.R., Paramita N.L.P.S.P., Uluwiyah A. et al. (2022). Estimating city-level poverty rate based on e-commerce data with machine learning. *Electronic Commerce Research*, 22(1), 195–221. DOI: 10.1007/s10660-020-09424-1
- Yeh C., Perez A., Driscoll A. et al. (2020). Using publicly available satellite imagery and deep learning to understand economic well-being in Africa. *Nature Communications*, 11(1), 2583. DOI: 10.1038/s41467-020-16185-w

Сведения об авторах

Татьяна Сергеевна Козицина — кандидат физико-математических наук, научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru)

Алексей Константинович Ключев — кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.k.kluev@urfu.ru)

Kozitsina T.S., Klyuev A.K.

Expanding the Toolkit for Poverty Research: An Analytical Review of Research Practices

Abstract. This article aims to systematize the main directions in which the toolkit for poverty research is expanding and to identify how new data sources complement traditional methods, enhancing the capacity to measure, explain, and monitor various manifestations of poverty. The review draws on a multi-stage selection of Russian and international publications on poverty and a comparative analysis of these studies in terms of the instruments they employ. It focuses on both classical quantitative and qualitative tools — household surveys, official statistics, field research, and so forth — and approaches that use digital traces: mobile phone data, satellite imagery, transaction and e-commerce data, and data from online platforms. For the analysis of the classical toolkit, priority was given to the most authoritative and widely cited international and Russian publications, making it possible to reconstruct a stable methodological and instrumental core of poverty research. For the discussion of new approaches, relevant recent works on big data, satellite imagery, digital traces, and other data sources were included, provided they offered sufficient methodological detail. The scientific novelty of the study lies in its contribution to the ongoing debate on the use of new poverty research tools and in substantiating hybrid approaches as one of the most promising strategies for studying poverty under conditions of digital transformation and increasingly complex social inequalities. Expanding the toolkit can help improve the spatial and temporal granularity of poverty measurement, better operationalize its multidimensional aspects, and more precisely delineate vulnerable groups. The limitations of the study stem from differences in the selection procedures for the two parts of the corpus, which allow configurations of practices to be compared but do not provide grounds for broad judgments about the theoretical elaboration of the digital literature. Prospects for further research lie in applying the proposed framework to a larger corpus of publications and in empirically testing hybrid designs.

Key words: poverty, poverty concepts, poverty measurement, digital methods of poverty research, hybrid methods of poverty research, social policy.

Information about the Authors

Tatiana S. Kozitsina — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru)

Alexey K. Klyuev — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: a.k.kluev@urfu.ru)

Статья поступила 30.04.2026.